

НАЧАЛО МАНЬЧЖУГО

В сентябрь 1931 года по ничтожному и необъясненному доселѣ поводу (оказался испорченным один рельс на ЮМжд) произошло вооруженное выступление японских войск в Мукденѣ, послужившее началом создания Маньчжуго. К началу этих событий в Маньчжуріи проживало, примѣрно, слѣдующее количество иностранцев:

Русских эмигрантов	100,000	человѣк.
Совѣтских подданных ...	80,000	„
Японцев	5,000	„
Прочих	3,000	„

В правовом и матеріальном положеніи русским эмигрантам послѣ полери русскаго вліянія в Полосѣ Отчужденія К.В.ж.д. жилось очень плохо, но все же злостнаго тѣвательства над ними со стороны китайцев не было. Для китайцев была памятна прежняя Россія, многіе китайцы владѣли русским языком. При наличіи въ характерѣ китайцев миролюбія и гостепріимства жизнь была терпимой; люди с инициативой находили возможности примѣненія своих трудов и способностей.

Послѣ вооруженнаго выступленія в Мукденѣ, японцы устремились в Цицикарскую провинцію. Послѣ занятія этой провинціи стал на очереди для них вопрос о занятіи центра Сѣверной Маньчжуріи—Харбина.

Харбин жил в это время своеобразной жизнью. Китайскія власти организовывали здѣсь сопротивление японцам, китайскія газеты вели против них пропаганду. Наряду с этим на улицах можно было видѣть японских офицеров в формѣ. Японскіе дома, консульство и другія учрежденія обкладывались мѣшками с песком, окутывались колючей проволокой—готовились к вооруженным событіям. Японское воздухоплавательное общество устраивало аэродром, на который прилетали открыто военные японскіе аэропланы.

Китайское женское общество собирало средства на раненых китайских солдат, дравшихся в провинціи с японцами; японское женское общество дѣлало такіе же сборы в пользу японских солдат.

Харбин оставался пока в сторонѣ от зоны военных дѣйствій и японцы широко пользовались права экстерриториальности.

Всѣ без исключенія китайцы ненавидѣли японской, племенной ненавистью; совѣтскіе подданные носились к ним подозрительно, сознавая, что создадутся событія, чреватые для них послѣдствіями. Прочіе странцы были очень сдержанны.

В этих сложных условиях японцам нужна была какая то моральная поддержка среди какой либо части населенія.

Зимой 1931 года японцами была выпущена газета на русском языкѣ—«Харбинское Время». В этой газетѣ обиженные судьбой и разочарованные русскіе эмигранты нашли столько дразнящих надежд... В ней поносились Совѣтская Россія, вспоминалось величіе былой Россіи и говорилось так много о блестящих перспективах для русскаго населенія в будущем самостоятельном Маньчжурском государствѣ, гдѣ русскія культурныя силы будут широко использованы на благо этого государства, гдѣ русским будут предоставлены административныя должности до полицмейстера и прокурора включительно; что отзвуки маньчжурских событій дойдут до Совѣтской Россіи и там произойдут великія измѣненія и потрясенія. Не один раз газета выходила с заманчивым лозунгом:

«В Маньчжуріи будет земной рай».

Японская газета хотя и на русском языкѣ выражала чаянія официальных японцев, русскіе же за чистую монету принимали все это для себя. Сколько радужных надежд загорѣлось в русских сердцах!..

Февраль 1932 года, Японцы занимают Харбин. Радость русскія лица, крики «Банзай!» и «Ура!» У японскаго консульства, в толпѣ русских появляется русскій официальный флаг...

Через нѣсколько дней представители русских общественных организаций спѣшат заявить японскому командованію чувства лойяльности и восхищенія подвигами японских войск. «Харбинское Время» еще больше пишет о блестящих перспективах.

Газета «Русское Слово» в тон «Харбинскому Времени» продолжает фантазировать о грядущих событіях. Пишет о необходимости участія хотя маленькаго русскаго отряда совместно с японцами в диверсіи против Сов. Россіи. Стали вспоминать всѣ ущемленія русских прав и обиды, нанесенныя русским китайскими властями. Нѣкій Ольгин в той же газетѣ «Русское Слово» писал в передовицѣ напоминаніе совѣтским служащим К.В.ж.д. с том, что если они до сих пор хорошо ѣли,—«а мы голодали», то теперь будет наоборот; не они нашим женам — кельнершам будут бросать полтинники, а «мы»!

Но японцы не принесли порядка в Маньчжурію.

Раіон Мадаоши—Пограничная находился под контролем так называемых «старо—гиринских войск», находившихся в состояніи войны с японцами. Всѣ свѣдѣнія об отношеніи русских эмигрантов к событіям, через статьи в русских газетах, доходили до мѣстных китайских властей, продолжавших еще борьбу против японцев. Запѣла против русских злоба.

Послѣ занятія Харбина, японцы на Восточной продвинулись лишь только до ст. Эхо; дальше, в

по дипломатическим соображеніям, не продвигались. На занятой линіи Харбин—Эхо в теченіи всего 1932 года японцы не были в состояніи установить какой либо порядок. В этих мѣстах находились к тому времени вооруженныя силы четырех группировок:

— японскія части, занимавшія маленькими гарнизонами нѣкоторыя желѣзнодорожныя станціи;

— старо — гиринскія части с красными повязками—враги японцев;

— ново—гиринцы с желтыми повязками, замиренные старо—гиринцы, официальные друзья японцев;

— и хунхузы, грабившіе кого придется.

Японцы, занимая какой либо поселок требовали выраженія лойяльности к себѣ от мѣстнаго населенія, а потом по стратегическим соображеніям уходили. Вступавшіе за ними старо—гиринцы начинали вымещать на жителях свою злобу. Старо—гиринцы переходили к ново—гиринцам и наоборот. Разной оріентаціи китайскіе солдаты переходили к хунхузам. Хунхузы же служили источником пополненія любых воинских частей.

Положеніе русскаго населенія на Восточной линіи стало невѣроятно трагическим: к совѣтским подданным относились подозрительно японцы; к русскими эмигрантам, за проявленіе симпатіи к японцам в Харбинѣ — китайцы. Русских грабили, убивали, уводили в плѣн, жгли дома и цѣлыя поселки. До настоящаго времени проѣзжая станціи Шитоухэцзы, Хандаохэцзы и другія можно

видѣть торчащія развалины сгорѣвших домов, брошенныя жилия помѣщенія с заколоченными окнами.

В этом районѣ жило много русских семей, занимавшихся мелким сельским хозяйством, огородничеством, пчеловодством, ягодными плантаціями, скотоводством.

Все было раззорено...

НА КОПЯХ «МУТ»

Эти событія застали меня на копиях Мулинскаго Углепромышленнаго Товарищества (МУТ), китайско—русскаго предпріятія, находившихся в 64 километрах к сѣверу от раз. Сочинзы К.В.ж.д., в разстояніи менѣе суток ѣзды от Харбина.

Служил я в этом предпріятіи с 1924 года, с момента его образованія. За годы существованія копей к моменту Маньчжурских событій, копи представляли собой совершенно налаженную большую организацію, с большим штатом русских служащих (до 200 человек), прекрасно обеспеченных жалованіем и большими наградными (до 6 месячных окладов) послѣ окончанія удачных операціонных годов.

За долгіе годы совмѣстной службы всѣ служащіе представляли собой дружную сплоченную семью, и в дѣловой обстановкѣ, на службѣ, и в проведеніи своих досугов. Прекрасная природа, рѣка, почти нетронутая разнообразная дичь, давали большой простор для охотников, рыбаков и любителей природы. Лѣтом прекра-

щился интенсивный вывоз угля по желѣзнодорожной вѣткѣ—это время проводили в полуотдыхѣ, в условіях довольной, спокойной жизни. Собраніе служащих, обладая средствами, составило прекрасную библіотеку, безпрестанно пополнявшуюся всевозможными литературными новинками. Шумно и дружно праздновались святки, масленица, с маскарадами, вечерами. На Пасху столы ломились от яств и питій.

Кромѣ квартир служащим были предоставляемы бесплатныя хозяйственныя услуги: баня, больница, лѣтом по праздникам дачные поѣзда.

Мулинскія копи представляли собой счастливый уголок в Маньчжуріи, гдѣ русскіе жили в благопріятной обстановкѣ.

СМЕНА ВЛАСТЕЙ

Здѣсь, к моменту отхода старо-гиричских войск под давленіем наступающих японцев, в концѣ 1932 года, разыгралась страшная трагедія среди русскаго населенія. Озлобленные отступающіе китайцы разграбили квартиры русских на коях, арестовали нѣсколько десятков русских служащих, убили священника о. П. Голіенко. Ими же были уведены в СССР секретарь конторы копей А. И. Рудых, горный десятник Д. А. Михалев, стрѣлочник И. И. Понявкин, кондуктор Федоров, псаломщик И. И. Кольцов, преподаватели И. Н. Павперов и Осипов, братья Харины и др.

В свое время вопрос этот был широко освещен в эмигрантской печати, и харбинской и парижской; жены уведенных хлопотали о возвращении своих мужей перед Лигой Наций.

Один из арестованных, стрѣлочник В. Э. Жилинскій (б. подполковник) покончил жизнь самоубійством, воткнув в сердце ножницы. Многие спаслись случайно. Меня продержали арестованным в кандалах 4 дня и освободили за час до отступления, уступая просьбам молившаго за меня моего сослуживца—китайца, зав. желѣзно-дорожным отдѣлом Чжао Чин-кая.

В ночь со второго на третье января 1933 года ушли послѣднія воинскія части гирицев; 4 января на копи вступили японцы.

Деморализованному, испуганному русскому населению, отсиживавшемуся в шахтах, хотѣлось вѣрить, что наступившій 1934 год принесет успокоение. Стали прибывать на копи представители японскаго командования, гражданских властей, комиссія по обследованию экономических возможностей края и т. д. Начались знакомства, информации, банкеты. Заброшенное было собрание вновь ожило, сервируются столы, играет виктрола. Принимаем побѣдителей, произносим тосты, рѣчи...

Как будто должна была наступить вновь спокойная, выбитая было из колен жизнь.

Японскіе офицеры, очень милые, чистенькіе, маленькіе, с игрушечными щечками, кланяющіеся с любезными улыбками люди, заводили с нами на различных европейских языках обыкновенные интеллигентскіе разговоры о Толстом, Достоевском... Снимались в группах вмѣстѣ...

Чтобы доставить нам удовольствіе, жалобными заунывными голосами пѣли они, притопывая в такт ногами, пѣсенку «Катюша кавай», посвященную героинѣ «Воскресенья» Катюшѣ Масловой, трогательно описывающую сибирскіе морозы и страданія этой женщины. Были даже случаи, когда наши милые гости гортанными голосами своими выводили: «Боже, царя храни!».

Среди этих пріятных встрѣч, как правило, обычно переводчик, поговорив со старшим офицером, задавал нам вопрос:

— А нѣтъ ли тут русских большевиков?

Мы честно отвѣчали, что нѣтъ, так как подавляющее большинство служащих состояло из эмигрантов, главным образом из бывших военных.

Жизнь сплошной поэзіи не переносит и на фонѣ этих милых встрѣч стали появляться тѣни: мы вскорѣ увидѣли настоящія лица японцев.

В квартиру зав. жел. дор. отдѣлом Чжао Чин-кай ночью вломился японец, потребовавшій русскую женщину. Чжао Чин-кай, прекрасно владѣющій японским

языком, долго доказывал пьяному невыполнимость его требованія. Японец повалил китайца на пол и стал избивать ногами, а затѣм стал ломиться в квартиру русскаго служащаго с тѣми же требованіями.

В собраніи служащих начались безобразія пьяных японцев, со скандалами, с безобразным поведеніем по адресу русских женщин.

Пришедшіе японцы порядка и умиротворенія не внесли. Всѣ окрестности кишѣли бродячими шайками хунхузов. Японцы для их уничтоженія, как это ни странно, мѣр никаких не принимали. Обычно, заняв в провинціи какой либо пункт, огораживали свое помѣшеніе колючей проволокой, выставляли посты. Тут же, вокруг этого поста бродили хунхузы, поддерживаемые из ненависти к японцам мѣстным населеніем.

Среди русских приход японцев принес разлад, желаніе выслужиться перед завоевателями любыми средствами, интриганство, взаимное озлобленіе. Сѣяли эти чувства среди русских—русскіе же, попавшіе на сыскную и полицейскую службу к японцам, и стремившіеся всѣми силами оправдать довѣріе своих новых хозяев.

Для этой цѣли, за рюмкой водки, они увѣряли доверчивых людей, что занятіе Манчжуріи Японіей является лишь отдѣльным этапом грядущих событій, что в ближайшее время будет предпринят марш на Совѣтскую Россію, но для этого нужно помогать японцам,